Р.А. Соколова

ТЕМА ГУЛАГа В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА И А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Исследуется тема ГУЛАГа, представленная в романе «Осударева дорога» М.М. Пришвина и в рассказе «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына. Анализ произведений писателей позволяет утверждать, что авторы рассмотрели не только тему репрессий в советской России – уничтожение властью народа, но и судьбу России и сохранение личности в условиях несвободы.

Победившая в стране советская идея покорения общества, природы, человека в ходе социалистического строительства, замысел устройства новой жизни за счет обычных людей воспринимается писателями как насилие и жестокость. Солженицын, оценивая один лагерный день своего героя, говорит о бесконечности и бесчеловечности его заключения. Пришвин безжалостную победу «всех» над «каждым» передает через картины покорения человеком природы и в результате ее уничтожения. Но главные герои, простые люди, носители народной нравственности, находясь в заключении, остаются свободными людьми, так как лагерная жизнь не изменила их внутреннего мира. Через выпавшие на их долю испытания проносят они чистой свою душу, в них воплотились крестьянская основательность и привычка к труду, терпение и умение приспособиться к нечеловеческим условиям, не унижаясь и не участвуя в творимом зле, оставаясь внутренне свободными и в обстановке несвободы, сохраняя свое имя, язык и родину.

ГУЛАГ, Пришвин М.М., Солженицын А.А., советская власть, репрессии, свобода личности.

М.М. Пришвин и А.И. Солженицын представили в своем творчестве тему ГУЛАГа — тему уничтожения советской властью народа России. Оба писателя знали, что «с коммунистами нельзя говорить: 1) о Боге, 2) о смерти и «Том свете», 3) о дурных явлениях нашей общественной жизни (например, столкновении поездов, заключенных, безработице и т. п.)» ¹, однако оба утверждали, что русская литература не может перешагнуть через трагедию заключенных в Советской стране. Один забыл, что он — мастер охотничьих и детских рассказов, певец природы, и написал роман «Осударева дорога» о строительстве зэками Беломорско-Балтийского канала имени И.В. Сталина. Другой, покоренный пришвинской темой сотворчества человека и природы, писал Н. Решетовской в 1948 году: «Прочти «Фацелию» Пришвина — это поэма в прозе, написанная с задушевностью Чехова и русской природы, — ты читала ли вообще Пришвина? Огромный мастер. В этой «Фацелии» очень красиво проведена мысль о том, как автор... самое красивое и ценное в своей жизни только потому и сделал, что был

 $^{^1}$ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». Из Дневников 1931–1952 гг. // Наше наследие. 1990. № 2. С. 81.

несчастлив в любви» 2 , все-таки стал повествовать о трагической русской истории, об «Архипелаге ГУЛАГ».

В основу книги Пришвина были положены материалы его поездки на Север страны в 1933 году, рассказывающие о знаменитой дороге, по которой «Петр ехал... и за ним везли виселицу», чтобы он смог протащить свои фрегаты из Белого моря в Балтийское ³. Теперь «осударева» дорога оказалась на дне озера и по ней чередом пошли морские корабли, потому что Сталин «ломал страну не плоше Петра», бил людей «массами, не разбирая правых от виноватых» ⁴. Пришвин создал пять редакций романа, множество их вариантов. Судить о книге читатель может по редакции 1948 года, которую Михаил Михайлович завещал издать с эпиграфом «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси», взятого из 138-го псалма Давида, но роман был опубликован без эпиграфа. Работа над произведением сопровождалась ведением Дневника, записи которого Пришвин назвал «лесами» к роману.

Пришвинский ГУЛАГ не приняли немногочисленные читатели рукописи. Жена писателя Валерия Дмитриевна, прошедшая советские тюрьмы и ссылки за верность православию, сказала: «Ты дерзнул без Вергилия странствовать по аду» ⁵. Власти предпочитали не вспоминать об использовании принудительного труда. «Допускаю, что нынешние правящие коммунисты могут быть смущены моим романом и спросить: как же это так вышло, что принудительный труд, укрываемое и переживаемое преступление, может стать предметом восхищения поэта», - писал Пришвин, который был не в силах забыть о гулаговском аде и попытался найти из него выход ⁶. Редакция журнала «Октябрь» потребовала «уничтожить труд заключенных» или сделать так, чтобы «события были именно не на Беломорском канале» 7. О братьях-писателях, восхищавшихся его «зверскими» рассказами, автор вспоминал, что «все они опасаются, не примажусь ли я к большевикам» ⁸, сочиняя общественный роман. Самая резкая и несправедливая оценка пришвинской книге принадлежит писателю О. Волкову: «Думаю, что никто из перемалываемых тогда в жерновах ГУЛАГа не вспомнит без омерзения книги, брошюры и статьи, славившие «перековку трудом». И тот же Пришвин, опубликовавший «Государеву дорогу»», одной этой лакейской стряпней перечеркнул свою репутацию честного писателя-гуманиста» ⁹.

А.И. Солженицын в отличие от М.М. Пришвина писательские поездки в лагеря не планировал, без них знал, что на двухстах граммах хлеба «Беломорканал построен» ¹⁰; в своих книгах он представил лагерные зоны, в которых он сам и другие отбывали свои сроки заключения.

 $^{^{2}}$ Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: дневник любви. М., 1996. С. 346.

³ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». С. 74.

⁴ Пришвин М.М. Дневник. 1930–1932 гг. // Мирская чаша. М., 1990. С. 118.

⁵ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». С. 35.

⁶ Там же. С. 79–80.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Там же. С. 74.

 $^{^{9}}$ Волков О. Погружение во тьму: из пережитого. М., 1990. С.168.

¹⁰ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича // Избранное. М., 1991. С. 108.

М.М. Пришвину и А.И. Солженицыну трудно было рассказать о трагедии русской жизни: их выталкивали из современности. У Солженицына – исправительно-трудовые «перековки», ссылки и несостоявшиеся публикации. Рассказ «Один день Ивана Денисовича», написанный в 1959 году, появился в печати только в 1962, а его главные книги «В круге первом», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ», главы из эпопеи «Красное колесо», завершенные в 1960-е годы и имевшие несколько редакций, были опубликованы в России лишь в 1990-е. Пришвин, с трудом напечатавший книгу «Фацелия» 1941 году, записал об этом в Дневнике: «"Фацелия" не пришлась по вкусу ЦК, потому что она содержит в себе декларацию личности» 11. Писатель так и не увидел опубликованными книги «Корабельная чаща» (1954), «Повесть нашего времени» (1957), «Осударева дорога» (1957), «Мы с тобой» (1990). В связи с этим он спрашивал: «Между тем я все писал. Куда же девалось написанное? Очевидно, запахивалось и мое поле» 12. Надо отметить, что в этот период Пришвин почувствовал в своей жизни противостояние искусства и реальности: «Отдал свою жизнь на свое художество» ¹³. Свой отход от действительности он передал в образах охотника и ницшеанца: «Странническое блуждание по неустроенной стране в костюме охотника с дикаркой и детьми, вызов мещанскому обществу и т. д. – все до точности происходит от ницшеанского сверхчеловека в русском издании» 14. В 1940-е годы Пришвин ставит для себя новую задачу: вернуться из мира природы в мир человека: «...Я сейчас нахожусь накануне того же выхода из нравственного заключения, которым было мое путешествие в край непуганых птиц. С таким же чувством благоговения, как тогда в природу, я теперь направляюсь к человеку... Так и начну свой новый круг жизни» ¹⁵. Хотя власть давала ему награды (в 1943 году – орден Красного Знамени в связи с семидесятилетием, в 1946 – медаль «За трудовую доблесть» во время массового награждения писателей), он ясно понимал причину своего отстранения от современности: «К чему я стремлюсь в наше время в литературе - противопоставить подлинность своей души, своего личного опыта дешевой литературе заданной темы: вместо этого я сам выхожу» ¹⁶.

Наиболее полно борьба писателей за участие в современности, за подлинную литературу, за свой «выход» из «заданной темы» проявилась в их работе над лагерной прозой. Но анализ текстов позволяет определить еще одну волновавшую художников важную тему – судьбу России, всего народа и своей личной судьбы.

М.М. Пришвин писал: «На канале должен быть собран и показан народ: тут была вся Россия», «Мы все строим какой-то канал», «С этим каналом я, как писатель... сам попал на канал» ¹⁷. В книге он дает картину всей России: «Ехали, будто падали, из неведомых недр разноплеменной страны десятками, сотнями, тысячами люди белые, желтые, черноглазые, голубоглазые, светловолосые, и черные, и рыжие.

¹¹ Архив В.Д. Пришвиной. Дневник М.М. Пришвина. 23.11.1941.

¹² Там же. 24.09.1951.

¹³ Там же. 15.02.1940.

¹⁴ Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: дневник любви. С. 279.

¹⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1905–1954 // Собр. соч. : в 8 т. М., 1982–1986. T. 8. C. 426.

¹⁶ Архив В.Д. Пришвиной. Дневник М.М. Пришвина. 14.1.1951.

¹⁷ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». С. 68, 67.

Были среди них худые и гибкие телом, с горящими как уголь глазами горцы, были коротенькие, на изогнутых ногах, жители степей, черкесы, киргизы, узбеки, были даже в чалмах, татары в халатах, раскосые монголы в своих тюбетейках, и русские смешивались в наречиях: орловские, рязанские, владимирские, ростовские, сибирские...» ¹⁸. Он представил иерархию строивших канал. Это начальники и надзиратели, которые имеют неограниченную власть над людьми: «Приедет тысяча человек, и мы всех их бросим в лес. И так каждый день, тысячу за тысячей – в лес... и они там скоро сами себе выстроят жилища» 19. Во время весеннего разлива начальники равнодушно губят эти тысячи, бросая их в ледяную воду канала. Это мужики - «олонецкие сплавщики», «привычные к трудной земляной работе смоленские грабари», «орловские, там вон рязанские», «неумелые степные люди», непривычные к лесу, в мечтах «возле своих юрт в стадах бесчисленных баранов и верблюдов, пили кумыс у младшей жены, ели баранину в юрте старшей жены, подумывали о третьей жене, а деревья валились по-своему» ²⁰. На социалистической стройке «сверлят перфоратарами первозданную породу скалы» и урки: «великий пахан», «скокари, домушники, «лепарды», шакалы, волчатники, медвежатники, мастера мокрого дела и самые мелкие воришки, мелкие люди — хорьки и мышата» 21 .

А.И. Солженицын через образы героев, указывая сроки их заключения, воспроизводит историю становления советской власти, ее тоталитаризма, начало которого связано с первыми послеоктябрьскими годами. Старый безымянный зэк Ю-81 «по лагерям да по тюрьмам сидит несчетно, сколько советская власть стоит, и ни одна амнистия его не прикоснулась, а как одна десятка кончалась, так ему сразу новую совали» ²². Бригадиры Куземин и Тюрин арестованы во время организации колхозов. Сибиряк Ермолаев «за плен десятку получил», а Сеньке Клевшину, узнику Бухенвальда, «четвертную закатили» ²³. Кавторанг Буйновский арестован за то, что целый месяц был офицером связи на корабле союзников по второму фронту – английском крейсере. Алешка с баптистами – «горюны: Богу молились, кому они мешали? Всем вкруговую по двадцать пять сунули» ²⁴. Латыш Ян Кильдигс, два эстонца – «шпионы деланные, снарошки» ²⁵. Цезарь Маркович «картины снимал для кино, но и первой не доснял, как его посадили» ²⁶. Автор через воспоминания заключенных передает жизнь в русской деревне до коллективизации, как крестьяне ели «картошку – целыми сковородами, кашу – чугунками, а еще раньше, по-без-колхозов, мясо – ломтями здоровыми. А молоко дули пусть брюхо лопнет» ²⁷. Рассказывает о последствиях «великого перелома», когда мужики, работая на земле, оказались в нищете, поэтому

¹⁸ Пришвин М.М. Осударева дорога // Собр. соч. : в 8 т. М., 1982–1986. Т. 6. С. 61.

¹⁹ Там же. С. 55. ²⁰ Там же. С. 70, 111, 75.

²¹ Там же. С. 62.

²² Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 181.

²³ Там же. С. 178, 100.

²⁴ Там же. С. 198.

²⁵ Там же. С. 155.

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Там же. С. 98.

уходили «повально или в город на завод, или на торфоразработки», или в новый промысел — рисовать по трафарету ковры 28 .

Характеризуя Советское государство, согнавшее в лагеря всю страну, писатели подчеркивают его бесчеловечность, рациональность, механичность. Пришвин пишет: «Вспоминаю, как в Кеми стрелок убил заключенного при попытке бежать... Человек тут не был, а только один механизм... В таком сцеплении всех, совершенно бесчеловечном, и происходит постройка канала» ²⁹. Он размышляет: «Коммунизм есть распространение законов механики на человеческое общество. Так является один из планов «Падуна»: река Выг, дикая, порожистая, заключается в машины... Согласно с этим механизмом и люди организуются... и под предлогом коммунизма становятся механизмом» ³⁰. У Солженицына заключенные Экибастузского лагеря, размышляя о своих сроках и возможности их отбыть в лагере, говорят о механичности советской системы наказания: «Это полоса была раньше такая счастливая: всем под гребенку десять давали. А с сорок девятого такая полоса пошла – всем по двадцать пять, невзирая. Десять-то еще можно прожить, не околев, – а ну двадцать пять проживи?!» ³¹. Время в лагере расписано по минутам: от подъема до отбоя, с обязательными утренними и вечерними проверками, пересчетом заключенных по головам, и все «объекты» счетных дощечек стремятся не нарушать механизм подсчета, потому что лишишься времени «уже не казенного, а своего»: времени на столовую, на получение посылки и писем, на санчасть, парикмахерскую, баню 32.

Писатели, размышляя о трагической судьбе родины и народа, в то же время хотели бы понять, что происходит с человеческой душой, с личностью человека в условиях ее столкновения с государством, жестко и рационально строящим прекрасное будущее.

Пришвин пишет: «Канал не так интересен со своей внешней, прямо скажу, — щегольской стороны, как с внутренней, со стороны создавшего его человеческого творческого потока: тут соприкасаешься с чем-то огромным. Едва ли хватит у меня сил взяться за этот материал, но я его чувствую, и совокупность заключенных этических проблем в материале «Войны и мира», столь поразившая весь мир, в сравнении с тем, что заключено в создании канала, мне кажется не так уж значительной» ³³. По его мнению, что бы ни строило общество, личность живет в нем по-своему, идет своим личным путем спасения, поэтому идее построения канала через «неизбежное затопление острова» ³⁴, идее построения нового советского общества через «затопление» старой жизни писатель противопоставляет жизнь людей, проходящих путь обретения внутренней свободы. Он писал о главном герое своего произведения: «В повести я хочу показать рождение нового сознания русского челове-

²⁸ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 92-93.

²⁹ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». С. 66.

³⁰ Архив В.Д. Пришвиной. Дневник М.М. Пришвина. 01.09.1943.

³¹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 113.

³² Там же. С. 152.

³³ Пришвин М. В краю непуганых птиц: онего-беломорский край. М., 1934. С. 47–48.

³⁴ Пришвин М.М. Осударева дорога. С. 99.

ка через изображение души крестьянского мальчика — помора» ³⁵. Мальчик Зуек (так поморы называли маленьких чаек) помог писателю понять самого себя, раздвоение своего внутреннего мира: «Один мир — это все, что мне самому хочется, другой мир, который больше меня... выступает как «надо»: надо и надо, а не то, что я сам хочу» ³⁶. Его герой открывает государственное «надо», победу «всех» в материальном строительстве: «Мы за большое дело взялись: лес рубят — щепки летят... старые острова будут затоплены» ³⁷. Он же различает человеческое «хочется», внутреннюю победу «каждого», верящего, что «последний потоп был при Ное праведном, и бог в ознаменование того, что потопа больше не будет, дал радугу» ³⁸. «Надо» и «хочется» он соединит в «единого человека», в «простого хорошего человека, каких огромное большинство на земле», от которых зависит судьба всей России ³⁹.

Счастье внутренней свободы Зуек откроет в таких героях, как его дедушка и бабушка — старообрядцы Сергей Мироныч и Марья Мироновна, принявшие «затопление» старой жизни ради лучшей жизни людей на земле; зэк Рудольф, ведущий себя так, «будто вся власть была в его собственных руках»; «хороший, легкобычный» зэк Вася Веселкин, погибший при взрыве скалы; бывший купец Алексей Семенович Волков, который в заключении сумел испытать радость свободной мысли и «непрерывно все расцветал и расцветал изнутри» ⁴⁰. Зуйку хорошо вместе с ними «идти на общее дело», видеть их счастье соединения «в одного человека» ⁴¹. Исследователь русской литературы, лауреат Солженицынской премии А.Н. Варламов, анализируя роман Пришвина, удивительно точно заметил, что «в роли капризного дитяти, которому должно было перейти от изначального «хочется» к осмысленному «надо», оказывался не только лирический герой, но и брошенный за колючую проволоку народ. Этому народу Пришвин сострадал, мечтая о его освобождении за счет внутреннего душевного усилия» ⁴².

Солженицын главным героем рассказа сознательно сделал рядового крестьянина — Ивана Денисовича Шухова, который уже восемь лет мыкается по лагерям. На фронте он был ранен, оказался в плену, бежал из него вместе с другими солдатами и попал в лагерь как выполняющий задание немецкой разведки: «Какое ж задание — ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь... В контрразведке били Шухова много. И расчет был у Шухова простой: не подпишешь — бушлат деревянный, подпишешь — хоть поживешь еще малость. Подписал» ⁴³. Шухов живет вековыми мужицкими правилами: честно трудится, себя не роняет, не унижается из-за пайки, не доносит на товарищей. По мнению Солженицына, человеческое достоинство, совестливость, свобода духа устанавливаются в труде, поэтому народный ха-

³⁵ Пришвин М.М. Осударева дорога. С. 6.

³⁶ Там же. С. 8.

³⁷ Там же. С. 40.

³⁸ Там же. С. 99.

³⁹ Там же. С. 98, 191.

⁴⁰ Там же. С. 62, 120, 109.

⁴¹ Там же. С. 105.

⁴² Варламов А.Н. Пришвин. М., 2003. С. 391.

⁴³ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 114.

рактер его героя ярко вырисовывается в сценах работы. Иван Денисович трудится каменщиком, печником, сапожником, всякий раз проявляя мужицкий хозяйственный ум, рабочую сноровку. «Но так устроен Шухов по-дурацкому, и никак его отучить не могут: всякую вещь и труд всякий жалеет он, чтоб зря не гинули», – говорят о нем солагерники и посмеиваются: «Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма плакать будет!» ⁴⁴.

Изображая жизнь людей в лагере, и М.М. Пришвин, и А.И. Солженицын показывают стремление заключенных укрыться в своих бараках, чтобы побыть собой, принадлежать самим себе, найти мгновения фактической свободы. В пришвинском бараке, называемом в лагере «конюшней», не только свершается «дальнейшее разграбление человека» ⁴⁵, но и возможны победы на путях духовного сохранения личности. Идею о духовной победе человека писатель воплощает прежде всего в образе зека Волкова. У него только одна «мысля, чтобы на каждом месте и во всякое время как бы нам лучше сделать», и с этой мыслью ему нигде, даже в заключении, нет «ни скуки, ни обиды и даже неволи», только радость «свободе своей» ⁴⁶. Зуек называет «конюшню» лагеря «Кащеевым царством» ⁴⁷, царством злобы, обиды, ругани, побоев, но при лунном свете зэки в бараке обретают свободу от Кащея, живут своей тайной жизнью. Здесь молятся татарин, китайцы, русский: «У окна показалась залитая лунным светом бритая голова человека с маленькой бородкой. Маленькие глазки светились, губы непрерывно шевелились, обе ладони время от времени поднимались вверх и охватывали все лицо, как бы умывали его, а из губ вылетали слова: «Алла, алла!»; «в лунном свете что-то похожее делали два китайца, и у них в руках было по желтому фонарю»; кто-то «шепотом молился и время от времени поднимал руку и крестил себя мелким крестом» 48 .

У Солженицына лагерники торопятся как можно быстрее юркнуть в барак, который они называют «домом» 49 . Здесь Иван Денисович всегда встает по подьему, за полтора часа до развода, он ценит один час после пересчета лагерников, потому что в это время «становится свободным человеком» 50 , который может подработать, чтобы приобрести табак и лишний кусок хлеба, поговорить о вере с Алешкой-баптистом, вспомнить о семье; эти часы позволяют ему выжить как личности.

Писатели, воссоздавая образы простых русских людей, представляют почти полное слияние своих голосов и речи героев. Пришвин мог бы дать эпическое повествование от автора, а Солженицын рассказать о событиях от первого лица, выражая точку зрения своего героя. Но они используют такую форму выстраивания текста, как несобственно-прямая речь, которая позволяет сблизить народную точку зрения с авторской. При этом речь героев наполнена просторечиями и диалектизмами (поветерь, могутный, ловцы, полесники,

⁴⁴ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 149, 148.

⁴⁵ Пришвин М.М. Осударева дорога. С. 103, 107.

⁴⁶ Там же. С. 65, 112.

⁴⁷ Там же. С. 95.

⁴⁸ Там же. С. 94.

⁴⁹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 163.

⁵⁰ Там же. С. 167–168.

лонись); суть народных характеров передается через пословицы и поговорки: пришвинские герои озвучивают закон крестьянской жизни: «Помирать собирайся — рожь сей» ⁵¹; Иван Денисович объясняет природу лунного месяца: «Старый месяц Бог на звезды крошит» ⁵². Герои используют лагерный жаргон (у Пришвина больше «легкобычных» зеков, а у Солженицына — «недобычных»), но авторы подчеркивает, что крестьянский язык по отношению к лагерному оказался более стоек, чем нейтральная лексика, поэтому их герои обо всех событиях рассказывают по-крестьянски: угрелся, доспел, обжать, в затишке, мглица, закрайком, самодумкой и т. п. Исследователь А.В. Сафронов отмечал, что для лагерной прозы Солженицына характерно «сталкивание» между собой слов из языка зэков и народных слов ⁵³.

Таким простым людям писатели противопоставили лагерных бунтарей. У Солженицына протестует капитан Буйновский, за что получает десять суток карцера, после которого «на всю жизнь здоровья лишишься», получишь «туберкулез, и из больничек уже не вылезешь» ⁵⁴. Пришвин представляет образ олонецкого мужика Куприяныча, который «духа своего не угашал», предлагающего Зуйку побег из лагеря в лес: «Там не работают, там все нам приготовлено, там мы цари» 55. В «конюшне» зеки рассуждают: «Не канал – цель легавых, а ненависть к свободному, как они, человеку», «канал – это придумка, это предлог, чтобы замучить и покончить с человеком свободным, это фикция» ⁵⁶. Но главные герои Пришвина и Солженицына не думают о свободе, они и в заключении, и на воле всегда будут свободны, так как лагерная жизнь не изменила их внутреннего мира. Их задача не в том, чтобы стать вольными, а в том, чтобы и в бесчеловечных условиях остаться людьми. Пришвинский старик Волков живет «счастливым чувством победы» над скалой, перегородившей канал, и «как будто он даже счастливее всех» ⁵⁷. Солженицынский Иван Денисович «уж сам не знал, хотел он воли или нет», потому что день был удачный: «в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый» 58.

Счастье таких людей в том, что каждый из них не перестал быть человеком, остался верным своей системе ценностей, хотя победила советская идея покорения общества, природы, человека ради социалистического строительства новой жизни. Однако писатели воспринимают замысел устройства новой жизни за счет обычных

⁵¹ Пришвин М.М. Осударева дорога. С.115.

⁵² Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 151

⁵³ Сафронов А.В. Комическое в книге о народной трагедии (пародийная глава в «Архипелаге Гулаг» А. Солженицина) // Вестник Рязанского государственного университета. 2012. № 1/34. С. 125.

 $^{^{54}}$ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 192.

 $^{^{55}}$ Пришвин М.М. Осударева дорога. С.13, 96.

⁵⁶ Там же. С.108, 111.

⁵⁷ Там же. С.109.

⁵⁸ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 200, 203.

людей как насилие и жестокость. Солженицын, оценивая день своего героя, говорит о бесконечности заключения: «Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов — три дня лишних набавлялось» ⁵⁹. Пришвин безжалостную победу «всех» над «каждым» передает через картины тяжелой войны человека с природой. Он пишет: «Тогда вся природа со всем поглощенным ею древним человеком стала против новой деятельности нового человека, и началась война у природы за свой вечный покой и у человека за свое будущее»; люди с самого начала понимали, что это будет война, поэтому организовались в «боевые части», и рабочие «стали называться каналоармейцами», а конюшня назвалась их «тылом» ⁶⁰.

В борьбе с природой советская власть реализовала свой замысел устройства нового порядка в природе: рационально расставить реки и озера, падуны и скалы. Но герои писателей воспринимают эту победу как насилие над природой. В рассказе Солженицына говорится о постановлении Советского правительства о введении декретного времени: к поясному времени конкретной местности прибавлялся один час с целью более рационально использовать светлое время суток. Но Иван Денисович задается вопросом: «Неуж и солнце ихним декретам подчиняется?» ⁶¹. Героям Пришвина побежденная природа предстает смертельным зрелищем. Зуйку было страшно смотреть на «мертвый» Падун, подчиненный воле человека, «казалось, будто убили кого-то и вскрывают мертвое тело»; деревня, подлежащая затоплению, открывается как «картина какого-то особенного страшного кладбища», река, «перехваченная» камнями, видится в «мертвом поясе» ⁶².

Жизнь природы и общества, воссозданная в произведениях о ГУЛАГе Пришвина и Солженицына, свидетельствует о том, что осударева дорога русской истории способна ее искажать и уничтожать, но люди даже в неволе находят возможность быть свободными и творить добро. Простые люди, носители народной нравственности, проносят через испытания свою душу чистой, в них воплотились крестьянская основательность и привычка к труду, терпение и умение приспособиться к нечеловеческим условиям, не унижаясь и не участвуя в творимом зле, оставаясь внутренне свободным в обстановке несвободы, сохраняя свое имя, язык и родину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Варламов, А.Н. Пришвин [Текст]. М. : Молодая гвардия, 2003. 848 с. : ил. (Жизнь замечательных людей. Сер. Биогр. Вып. 548).
- 2. Волков, О.В. Погружение во тьму: из пережитого [Текст] / послесл. Э.Ф. Володина. М. : Молодая гвардия ; Т-во рус. художников, 1989. 460 с. : фот. (Белая книга России. Вып. 4).

⁵⁹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 203.

⁶⁰ Пришвин М.М. Осударева дорога. С. 105, 106.

⁶¹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 112.

⁶² Пришвин М.М. Осударева дорога. С.128, 145, 121.

- 3. Пришвин, М.М. Дневник. 1930—1932 гг. [Текст] // Мирская чаша. М. : Художественная литература, 1990. 272 с. (Сер. Роман-газеты для юношества).
- 4. Пришвин, М.М. Дневники. 1905—1954 [Текст] / сост., подгот. текста и коммент. Т. Бедняковой, Я. Гришиной, Л. Рязановой // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982-1986. Т. 8. 759 с. : ил.
- 5. Пришвин, М.М. Леса к «Осударевой дороге». Из Дневников 1931–1952 гг. [Текст] // Наше наследие. – 1990. – № 2. – С. 58–83.
- 6. Пришвин, М.М. Мы с тобой: дневник любви [Текст] / М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина ; подгот. текста и коммент. Л. Рязановой. М. : Художественная литература, 1996. 351 с. : фот.
- 7. Пришвин, М. В краю непуганых птиц: онего-беломорский край [Текст]. М. ; Л. : ГИХЛ, 1934.-194 с.
- 8. Пришвин, М.М. Осударева дорога [Текст] // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература, 1982-1986. Т. 6.-439 с.
- 9. Сафронов, А.В. Комическое в книге о народной трагедии (пародийная глава в «Архипелаге Гулаг» А. Солженицина) [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета. -2012. -№ 1/34. -C. 120-126.
- 10. Солженицын, А. Один день Ивана Денисовича [Текст] // Избранное. М.: Молодая гвардия, 1991. 349 с. (Сер. Рус. писатели лауреаты Нобелевской премии).

R.A. Sokolova

THEME OF THE GULAG IN CREATIVITY M.M. PRISHVIN AND A.I. SOLZHENITSYN

The paper concerns the GULAG represented in the novel «The Czar's Road» M.M. Prishvina and in the story «Ivan Denisovich» by A.I. Solzhenitsyn. Analysis of the works of writers suggests that the authors considered not only the theme of repression in the Soviet Russia – the destruction of the power of the people, but also the fate of Russia and the Russian people, the theme of conservation of the human personality in conditions of unfreedom.

Prishvin and Solzhenitsyn showed that the country won the Soviet idea of the conquest of society, nature, human beings in the course of socialist construction. Writers perceived intent of the new device life by ordinary people as violence and cruelty. Solzhenitsyn, assessing one camp day of his hero, talks about infinity and the inhumanity of its conclusion. Prishvin ruthless victory «all» over the «everyone» passes through pictures of conquest of nature, in which nature appears deadly spectacle. But the main characters are writers, while in custody, remain free men, as the camp life did not change their inner world. Ordinary people, native people's morality, sneaked through the trials of his soul pure, they embodied the solidity of the peasant and the habit of work, patience and the ability to adapt to the inhuman conditions, without being humiliated and not participating in tvorimom evil, while remaining inwardly free environment in captivity, keeping the name, language and homeland.

GULAG, Prishvin M.M., Solzhenitsyn A.I., the Soviet regime, repression, freedom of the individual.